

УДК 81-139

DOI 10.17223/19986645/29/2

Е.В. Иванцова, Е.В. Соломина

## ОБ ЭФФЕКТИВНЫХ МЕТОДАХ ЗАПИСИ СПОНТАННОЙ УСТНОЙ РЕЧИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ\*

*В статье ставится проблема разработки эффективных методов фиксации спонтанной устной речи реальных носителей языка, актуальная в ситуации неполноты источниковой базы лингвоперсоналогических исследований. Освещается опыт томской лингвистической школы в применении таких методов для исследования языковой личности. Описано использование метода включения в языковое существование говорящего при сборе речевого материала носителя традиционного народного говора и метода самозаписи информанта для запечатления речи носителя городского просторечия.*

Ключевые слова: языковая личность, спонтанная устная речь, методы лингвоперсоналогии, включение в языковое существование говорящего, самозапись.

На рубеже XX–XXI вв. в центр научного поиска выдвигается феномен языковой личности (далее ЯЛ). Новая область науки о языке, целью которой является изучение этого феномена, находится в стадии формирования. Нет единого мнения о сущности ЯЛ и задачах ее анализа; представители различных научных коллективов (обзор наиболее крупных из них см. [1]) выдвигают разные подходы к лингвоперсоналогическому исследованию языка.

В томской лингвистической школе под ЯЛ понимается конкретный носитель языка, существующий в реальной действительности (подробнее см. [2]), а цель лингвоперсоналогии видится во взаимообусловленном постижении сущностных черт языка и личности: через обращение к речи членов языкового сообщества углубляется наше представление о свойствах языковой системы, а знание этих свойств позволяет постичь характеристики «человека говорящего» во всем многообразии его типологических и индивидуальных вариаций.

Остро стоит вопрос об источниковой базе исследования реальных ЯЛ.

В настоящее время речь конкретных носителей языка в работах лингвоперсоналогического направления рассматривается в первую очередь с привлечением письменных источников. Языковедов интересуют художественные, реже – публицистические и научные тексты, письма, дневники, мемуары, записные книжки, созданные выдающимися писателями, учеными, общественными деятелями. Так, ЯЛ В. Набокова изучалась по материалам его романов (Л.А. Каракуц-Бородина), Б. Заходера – по переводам английских волшебных сказок (О.Н. Шевченко), В.В. Виноградова и А.Ф. Лосева – с опорой на тексты научных работ (И.А. Федорченко; В.В. Дружинина и А.А. Ворожбитова), Петра I и Ю.М. Лотмана – по эпистолярному наследию (Н.И. Гайнуллина, В.Я. Парсамова), А.П. Чехова – с использованием дневни-

---

\* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-14-70006 а/р «Развитие источниковой базы изучения народно-речевой культуры русских старожилов Среднего Приобья».

ков и записных книжек (Л.В. Баскакова) и т.д. Аналоги названных типов письменных источников привлекаются и при обращении к ЯЛ рядовых носителей языка: «наивному автору» художественных и публицистических текстов (Н.Б. Лебедева, Е.А. Корюкина), диалектоносителю, пишущему дневники или письма (И.И. Русинова, Г.А. Толстова), интеллигентной женщине – автору эпистолярных текстов (Э.М. Ножкина) и др. В русло подобных работ органично вливаются первые опыты анализа интернет-блогов частных лиц (А.В. Замилова).

Материалы устной речи в лингвоперсонологических исследованиях представляют в основном публичную, официальную сферу коммуникации. В состав отражающих эту сферу источников входят лекции вузовского преподавателя (работы Т.В. Кочетковой по ЯЛ К.И. Бендера), речи и интервью политиков (исследования Е.В. Дарьиной о ЯЛ Петена и де Голля, Т.Б. Соколовской о ЯЛ М. Зюганова, Г. Явлинского, Б. Немцова), выступления судебных ораторов (публикации З.В. Баишевой о ЯЛ А.Ф. Кони), публичный дискурс работников СМИ (диссертация М.А. Канчер о ЯЛ телеведущих игровых программ; работы Е.Г. Малышевой о ЯЛ спортивных комментаторов) и др. Спонтанная речь индивидов в непринужденном бытовом общении целенаправленно фиксируется пока в основном диалектологами (см. исследования В.П. Тимофеева, Ф.Л. Скитовой, Е.А. Нефедовой, В.Д. Лютиковой, Е.В. Иванцовой, Е.В. Прокофьевой); в отдельных случаях делаются эпизодические записи речи представителей других социальных групп (К.Ф. Седов, Е.А. Оглезнева).

При всем многообразии используемых лингвистами материалов для изучения ЯЛ налицо несоразмерность между источниками письменными и устными (особенно очевидная в случаях обращения к современным ЯЛ), между анализом данных институционального и неинституционального дискурса. Сложившаяся диспропорция объясняется отчасти интересом языковедов к историческим ЯЛ, реконструкция которых возможна только с опорой на письменные тексты, но главным образом – сложностями записи непринужденной звучащей речи.

Для объективного рассмотрения феномена ЯЛ необходим учет всех видов дискурсивной практики индивида в их реальном соотношении. Если это так, то приоритетными должны быть сведения устной речи, составляющие бо'льшую часть речевой деятельности любого носителя языка независимо от его профессиональной и социальной принадлежности. Кроме того, справедливой является оценка устных речевых произведений как наиболее ценного источника исследования ЯЛ. Т.Г. Винокур отмечает, что «письменная речь, находясь на порядок дальше от личности, чем устная, т.е. предполагающая более формальный, технический и потому неэлементарный способ осуществления, неизбежно объективируется в большей степени, чем устная» [1. С. 132–133]. В написанном индивидом тексте, таким образом, личность раскрывается не так быстро и не так явно, как в произнесенном.

Важность обращения к спонтанной звучащей речи вступает в противоречие с существующим положением дел в лингвоперсонологической практике, где примеры опоры на такой источник весьма немногочисленны. В связи с этим представляется актуальной разработка методов и приемов фиксации

идиолектного дискурса, отвечающих современным потребностям изучения «человека говорящего». Развитие лингвистической мысли вызывает смещение акцентов от системно-структурного описания языка к коммуникативно-дискурсивному, от дифференциального подхода при сборе и анализе материала – к недифференциальному в целях получения объективных выводов; выдвигается и ряд других требований к записи разговорной речи. Главным из них следует считать получение данных, максимально близких к естественной речевой коммуникации. С этой общей установкой соотносится ряд частных: запечатление преимущественно диалогической речи индивида, в том числе с привычными партнерами по коммуникации, отображение разнообразия коммуникативных ситуаций и речевых жанров для наиболее полного представления идиолектного дискурса, применение современных технических средств, наиболее точно отражающих разные стороны речевой деятельности носителя языка (от фонетических особенностей до организации текста).

Проводимые в томской лингвистической школе лингвоперсонологические изыскания позволили выявить наиболее эффективные методы записи непринужденной устной речи, отвечающие нуждам времени, и внедрить их в практику исследования ЯЛ. При этом под языковой личностью представителями школы понимается реальный индивид, речевые произведения которого отражают социальные и индивидуальные особенности его языка и личности.

Поиск действенных способов и приемов отражения речи *Homo Loquens* осуществлялся с учетом существующих методов сбора устного речевого материала.

В полевом обследовании бесписьменных языков и русских народных говоров широко применяется сочетание фиксирования произвольного речевого потока с различными вариантами опроса (от опоры на вопросники до использования разной степени «жесткости» целенаправленного интервьюирования обследуемых), так как «создание условий, максимально приближенных к естественным, оптимально, но не всегда осуществимо» и в краткосрочных экспедициях «фактов спонтанной речи для систематического изучения языка совершенно недостаточно» [2]. Все разновидности опроса ускоряют сбор материала, но способствуют постижению сущности спонтанной речи. Поэтому при исследовании ЯЛ элементы свободного вводного интервью использовались лишь в начале знакомства с информантом для того, чтобы узнать о его биографии, родственниках, образе жизни. В дальнейшей работе предпочтение было отдано методу наблюдения.

Как известно, при сборе данных звучащей речи применяются различные способы наблюдения над языковой материей. Распространенное в диалектологии и коллоквиалистике стороннее наблюдение не позволяет в достаточной мере сблизиться с информантами. Его использование целесообразно на предварительном этапе анализа, когда формируется представление об изучаемой языковой среде (факторах, влияющих на ее функционирование, обычаях, поведенческих нормах, отношениях членов коллектива, речевых особенностях социума) и окончательно определяется выбор непосредственного объекта исследования.

Применяемое в некоторых случаях скрытое наблюдение (например, для выявления линвокультурологической специфики носителей городского про-

сторечия [3]) допустимо, на наш взгляд, по отношению к обобщенной группе информантов, но не в лингвоперсонологических работах. Пристальное внимание к речи конкретного индивида неизбежно затрагивает личную, иногда и интимную сферу человека, и ее фиксация без ведома говорящих не соответствует этическим нормам. Согласие избранной личности считаем необходимым при записи речевого материала.

В качестве дополнительного метода встречается также опосредованное наблюдение, предполагающее привлечение анкет или сообщений третьих лиц. Так, Н.А. Лемяскина [4] обследовала языковое развитие школьников 1–4-х классов, опираясь не только на собственные сведения, но и на свидетельства учителей и родителей младшеклассников. Представляется, что этот метод эффективен именно в обучающей среде, применительно к детям в дошкольных учебных заведениях, ученикам и студентам, но малоперспективен в более закрытых для наблюдения сферах неинституционального дискурса, в том числе бесписьменной речевой культуры (местные говоры, просторечие, жаргоны).

Таким образом, экспериментальные подходы к сбору материала, а также скрытое и опосредованное наблюдение по тем или иным причинам нельзя было признать оптимальными для решения поставленных задач. Представители Томской лингвистической школы обратились к иным методам, позволяющим максимально приблизить ситуацию открытой записи к условиям порождения непринужденной речи и дающим возможность изучения как индивидуального дискурса, так и личности говорящего.

В масштабном проекте по исследованию диалектной ЯЛ старожила Сибири (руководитель – Е.В. Иванцова) в течение четверти века велись полевые записи речи Веры Прокофьевны Вершининой, 1909 г. рождения, русской, уроженки с. Вершинино Томской области. Собиратели сочли в наибольшей степени отвечающим целям проекта метод включенного наблюдения. Он известен в ряде гуманитарных наук (социологии, культурологии, психологии, антропологии, этнографии), а во второй половине XX в. стал применяться и языковедами. В то же время примеры его использования в русистике немногочисленны<sup>1</sup>, а особенности практически не описаны.

Название этого метода еще не устоялось<sup>2</sup>, однако наиболее точно его суть отражает наименование **«включение в языковое существование говорящего»**. В нем обозначены как объект лингвоперсонологического наблюдения,

---

<sup>1</sup> В отечественной лингвистике нам известно применение этого метода только диалектологами: таким образом В.П. Тимофеев исследовал речь Е.М. Тимофеевой [5], а В.Д. Лютикова – речь В.М. Петуховой [6]. Включенное наблюдение практиковалось составителями Деулинского словаря, в течение нескольких полевых сезонов систематически обследовавших речь жителей д. Деулино Рязанской обл. [7]. Очевидно, оно имело место также у пермских исследователей, изучавших речь А.Г. Горшковой [8] и др.), в экспедиционной практике сбора материала Е.А. Нефедовой [9] и Е.В. Прокофьевой [10]. Можно предполагать, что степень близости информантов и собирателей была в каждом случае неодинаковой.

<sup>2</sup> Отмечен ряд вариантных терминообозначений: «включенное наблюдение» (Л.П. Крысин [11], В.Д. Лютикова [6]), «долговременное панельное наблюдение», «соучастие» (В.П. Тимофеев [5; 12]), «лонгитюдное наблюдение» (Н.И. Ленская [13]), «включение в языковое существование говорящего» (Н.И. Конрад [14], Т.С. Коготкова [15]), «сосуществование» (И.А. Осовецкий [7]), «языковое включение» (Е.В. Прокофьева [10]).

так и главное обстоятельство, позволяющее получить неспровоцированные тексты, – «слияние» лингвиста с языковой средой изучаемой личности.

В качестве общих принципов рассматриваемого метода Т.С. Коготкова выделила два взаимосвязанных основания, на которых он базируется: психологическую контактность между исследователем и информантом и долговременность сроков наблюдения [15. С. 287]. Именно эти принципы можно считать идеальными при фиксации речи индивида.

Опыт томских диалектологов показал, что реализация метода включения в языковое существование говорящего предполагает соблюдение ряда условий.

Прежде всего необходимо установление близких отношений с ЯЛ. Важными моментами их формирования являются взаимное (а не одностороннее, как это обычно бывает при стороннем наблюдении) знакомство коммуникантов с биографией, образом жизни, интересами, кругом знакомых и родственников, а также семейные контакты. Доверительные отношения информанта и собирателей (круг их был сознательно ограничен) определялись как исходными установками традиционной народно-речевой культуры, для которой характерна бо́льшая открытость личной сферы посторонним по сравнению с жителями города, так и индивидуальными чертами В.П. Вершининой – доброжелательной к людям, искренней, откровенной. Способствовала укреплению связей, напоминающих родственные или дружеские, взаимопомощь в трудовой деятельности (члены экспедиций во время своих приездов в село помогали крестьянке в повседневных домашних делах, уходе за огородом и т.п., она, в свою очередь, оказывала посильное содействие в налаживании контактов диалектологов с односельчанами, организации студенческой практики) и совместный отдых (участие в деревенских праздниках, хождение с информантом в гости к другим жителям села, празднование дней рождения...). В целом можно сказать, что главенствующим был приоритет личного общения над прагматическими целями сбора языкового материала.

Соотносится с предыдущим принцип регулярного долговременного наблюдения. Инициированные лингвистами контакты с избранной для изучения ЯЛ должны постоянно поддерживаться. В нашем случае первоначальные двухнедельные летние экспедиции, проводившиеся ежегодно, трансформировались в круглогодичный сбор материала с выездами на 2–3 дня и интервалами примерно в 2–3 месяца; эпизодически коммуникация осуществлялась также по телефону и в эпистолярной форме. Приезжая в Вершинино, диалектологи останавливались в доме информанта. В среднем за один приезд записывалось от 7 до 20 часов звучащей речи. В перерывах между полевыми выездами материал расшифровывался и подвергался первичной систематизации. Обработка аудиозаписей «по свежим следам» позволяла восстанавливать ситуационные комментарии, сведения о мимике и жестах говорящего, неизвестных лингвистам участникам коммуникации и т.д. Долговременность включения собирателей в языковое существование индивида (57 экспедиционных выездов с 1981 г. до кончины информанта в 2004 г.) дала возможность наблюдать ЯЛ во всем многообразии коммуникативных ситуаций, соотносимых с различными историческими периодами жизни общества (годы «застоя», перестройки и последующих социальных преобразований), сезонной

сменой времен года (зима, весна, лето, осень) и событиями личной жизни – от бытовых до бытийных.

Участники проекта стремились к созданию комфортной для ЯЛ обстановки в процессе записей. Эта комфортность поддерживалась, с одной стороны, контактностью собирателей с информантом, с другой – организацией технической стороны сбора материала.

Выбор между традиционной в диалектологии первой половины XX в. ручной записью и использованием магнитофона был однозначно сделан в пользу последнего. Запись от руки меньше настораживает информанта, она не требует времени на подготовку, что позволяет быстро записать услышанное. Однако такой способ не предназначен для фиксирования больших объемов звучащей речи, не позволяет сочетать записывание с другими физическими действиями собирателей в процессе общения с ЯЛ, не отражает интонационного рисунка высказываний, наконец, не дает возможности многократного возврата к первичной ситуации момента речи, расшифровка и интерпретация которого может быть пересмотрена и скорректирована. Применение технических средств также не лишено недостатков, однако оно, несомненно, имеет преимущества при обращении к спонтанной устной речи.

Фиксация речи не скрывалась от В.П. Вершининой по этическим причинам, однако диалектологи старались минимизировать напряжение, неизбежно возникающее при постоянной аудиозаписи. Сбор материала был организован так, чтобы говорящий не был сосредоточен на факте записывания. Имевшаяся в нашем распоряжении в 80–90-е гг. достаточно громоздкая техника (касетный магнитофон отечественного производства «Электроника») размещалась вне поля зрения диалектоносителя; диалектологи пользовались только встроенным микрофоном, предпочитая бо́льшую естественность речевого материала его более высокому техническому качеству. Применялся известный в социолингвистике прием «привычного микрофона». Эпизодически отдельные фрагменты речи информанта фиксировались также вручную. Лишь в нескольких последних экспедициях начала 2000-х гг. появилась возможность использовать цифровой диктофон. В наши дни широкое распространение звукозаписывающих устройств нового поколения существенно облегчает техническую поддержку включения в языковое существование говорящего.

Вопрос о целях собирательства напрямую не обсуждался ни диалектологами, ни исследуемой личностью. Поскольку в течение многих предшествующих проекту лет село Вершинино служило базой диалектологической практики филологического факультета Томского государственного университета, расспросы старожилов со стороны приезжих молодых горожан не воспринимались как нечто необычное. Информант обобщенно представлял деятельность лингвистов как «работу», поясняя другим: *песни-басни собирают*, хотя специальный сбор фольклора не входил в экспедиционные задачи. Если вопросы о необходимости записи возникали у собеседников В.П. Вершининой, исследователи говорили, что их интересуют рассказы коренных жителей села об истории и повседневной жизни деревни. Как правило, деревенские жители были открыты в своих высказываниях, и аудиозапись настораживала (обычно представителей старшего поколения) только в тех случаях, когда разговор переходил на критику правительства, негативную оценку вла-

сти. Изучаемая ЯЛ откровенно беседовала на любые темы, объясняя это односельчанам так: *Я их [диалектологов] не боюсь, чё они, доказывать [«доносить»] будут?* Реакция на магнитофонную запись с ее стороны встречалась редко и сопровождала речевые высказывания с грубой, сниженной лексикой (в основном при цитировании чужой речи): *Вы выключили там? А то я чё попало буро'блю; Ты, наверно, там пишешь [на магнитофон], я чё попало говорю.* Во всех подобных ситуациях собиратели заверяли вершининцев, что их высказывания не попадут в средства массовой информации (газеты, радио), а сделанные в научных целях записи будут использоваться выборочно, пройдя определенный отбор. Многолетнее знакомство с диалектологами давало крестьянке уверенность в том, что полученные от нее сведения конфиденциального характера, касающиеся ее жизни и жизни ее родственников, не будут разглашаться и не нарушат их права и интересы.

Доминантная установка на изучение ЯЛ в обычной для нее речевой среде позволила записать диалогическое общение В.П. Вершининой с привычным кругом коммуникантов – односельчан, родни и знакомых, живущих в областном центре и окрестных селах. Этот круг был весьма широк, с одной стороны, в связи с большим числом родственников, поддержание контактов с которыми очень значимо для носителя традиционной культуры, с другой – в связи с общительным характером информанта. В число партнеров диалектоносительницы по коммуникации входили лица разного социального статуса и типа речевой культуры – от привлекаемых за плату для помощи по хозяйству деревенских «пьянчужек» до горожан с высшим образованием, работающих в сфере педагогики, юстиции, экономики, инженерного дела и др. Контакты с проживавшими в ее доме собирателями, воспринимаемыми в качестве близких знакомых или родственников, в этом контексте также можно считать составной частью естественного дискурса диалектной ЯЛ (в годы войны, например, у Веры Прокофьевны жила эвакуированная семья из Ленинграда, в 50-е – приехавшая из Томска племянница, в 70-е – некоторое время работавшая в вершининской школе молодая учительница, с семьей которой все последующие десятилетия поддерживались дружеские взаимоотношения).

Отметим попутно, что коммуникабельность информанта, пользовавшегося в родном селе большим авторитетом, позволила диалектологам запечатлеть образцы непринужденной речи не только главного объекта нашего наблюдения, но и многих собеседников крестьянки из числа коренных жителей села. Записи их бесед с незнакомыми интервьюерами и диалогов с В.П. Вершининой разительно отличались как тематикой, так и богатством языковых ресурсов, коммуникативных стратегий и тактик, степенью эмоциональности и образности текстов. Таким образом, дискурсивная практика общения представителей народно-речевой культуры между собой, обычно закрытая для лингвистов-исследователей, благодаря «проводнику» стала более доступной для наблюдения, а полученные материалы спонтанной речи значительно расширились<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Некоторые эпизоды обыденной коммуникации старожилов с. Вершинино, в том числе в диалогах с В.П. Вершининой, опубликованы в [16].

Результатом многолетнего включения в языковое существование сибирского старожила стал архив объемом около 10 000 страниц печатного текста, отражающий дискурс типичного носителя традиционного русского народного говора.

Данный метод позволяет получить информацию о наиболее личностной форме реализации языковой способности индивида, изучить «жизнь языка» не в лабораторной обстановке, а в естественной коммуникации, что обеспечивает высокую степень достоверности выводов. К достоинствам метода следует отнести универсальность (его применение возможно по отношению ко всем типам современных ЯЛ разного возраста, пола, социального статуса и типа речевой культуры), участие наблюдателя в ситуации, ее визуальное восприятие, накопление материалов «слуховой памяти» [17. С. 151], хранящей в сознании собирателей воспоминания об особенностях речи конкретного носителя языка. Недостатками метода являются необходимость преодоления негативной реакции, возможной при вторжении в личную сферу индивида, трудоемкость (в том числе большие временны́е трудозатраты), меньшая информативность полученных материалов для тех, кто не участвовал непосредственно в их сборе.

В настоящее время в томской лингвистической школе начато также изучение ЯЛ, принадлежащей к другому типу бесписьменной речевой культуры, – просторечному. Целенаправленное собирание материала осуществляется Е.В. Соломиной с 2010 г. В центре внимания – речь Л.Л., 1959 г. рождения, русского, с неполным средним образованием (6 классов средней школы), проживавшего в Новосибирской области и Новосибирске. Образ жизни просторечника отличается от образа жизни носителя традиционного говора. Частая смена места жительства и рода занятий, меняющаяся вследствие этого коммуникативная сфера, работа информанта в однополых мужских коллективах не позволили применить метод включения в языковое существование говорящего. Собирателем был апробирован такой метод фиксации речи, как **самозапись ЯЛ**.

Понятие «самозапись» в значении «фиксация собственных текстов» распространено в фольклористике и этнографии, однако в этих дисциплинах оно обозначает перенос фольклорного текста в письменную форму, сделанный сказителем (см., например, [18]). В нашем случае под самозаписью понимается запись информантом своей речи на аудионоситель. В лингвистике названный метод мало распространён. Известны проводимые в Японии массовые обследования местного населения в рамках теории языкового существования. Как отмечает Ю.В. Рождественский, при изучении процесса речевой коммуникации «наиболее трудной частью... является учёт устной речи, рассматриваемой как в лексическом, так и во временном плане. Раз в год 200 000 добровольцев записывают на магнитофон все свои речевые действия в течение суток» [19. С. 86]. Есть также упоминания о самозаписи 124 волонтеров из разных социальных групп для пополнения устной части Британского национального корпуса. «Добровольцы использовали аудиоплеер для незаметной записи своих разговоров в течение двух или трех дней; необходимые детали заносились в специальный блокнот. Участников беседы после разго-

вора просили дать согласие на использование записи в качестве материалов для корпуса» [20. С. 67].

Самозапись звучащей речи индивида в лингвоперсонологии применена, насколько нам известно, впервые.

Обращение к новому методу было обусловлено не только жизненными обстоятельствами, не позволяющими собирателю постоянно находиться рядом с информантом, но и стремлением лингвиста свести к минимуму влияние на него посторонних с учетом своеобразия ЯЛ носителя городского просторечия.

Представители просторечного слоя речевой культуры – по определению люди недостаточно образованные (а значит, далёкие от науки как деятельности), они нередко относятся к учёным с недоверием (что может проявляться иногда как враждебность), а к лингвистическим исследованиям – с опаской. Часто не понимая целей, преследуемых наукой вообще, носители просторечия не верят в чисто научный интерес к своей речи со стороны исследователя и приписывают последнему те или иные корыстные мотивы. Для преодоления этого барьера в методе самозаписи, как и в методе включенного наблюдения, необходимо создание неформальных отношений с объектом анализа. Установление контактов предполагало разговоры в гостях и по телефону, угощение, переход на «ты», традиционные обоюдные расспросы о детях, здоровье и делах, взаимопомощь. Для того чтобы такие связи воспринимались как естественные, лингвист избегал в своей речи несвойственных городскому просторечию языковых средств и тем коммуникации (ср. одобрительный комментарий Л.Л.: *Ты вот говоришь, как своя – как будто и не училась нигде!*). Формирование доброжелательных отношений значимо ещё и потому, что техническая сторона метода самозаписи требует постоянных встреч носителя языка с собирателем для передачи аудиофайлов с материалом (если записываемый человек сам не пользуется компьютером). Особенно это актуально при изучении ЯЛ городского жителя. Типичные для просторечной среды трудности в сфере реализации жизненных планов могут привести к тому, что контактирование лингвиста с интересующей его личностью прервется раньше, чем будет собрано достаточное количество материала. Приятельское общение, предполагающее частые визиты, создаёт, таким образом, дополнительную мотивацию, «удерживающую» наблюдаемого в поле зрения наблюдателя в течение длительного времени.

В отличие от носителя традиционной народно-речевой культуры, натуры очень цельной и никогда не приспособивавшейся к речи окружающих, у представителя городского просторечия было выявлено варьирование языковых средств в зависимости от тех или иных характеристик участников коммуникации. С малознакомыми «культурными» собеседниками Л.Л. стремился говорить, ориентируясь на нормы литературного языка (однако демонстрируя многочисленные нарушения таких норм). При этом его повседневная речь в привычной коммуникативной среде с близкими по уровню речевой культуры собеседниками имеет заметные отличия от речи «напоказ». Является ли такая черта типологической для просторечника или носит индивидуальный характер, пока однозначно сказать трудно. Чтобы избежать присущей говорящему «мимикрии», были предприняты некоторые меры предосторож-

ности. Исследователь намеренно представился лишь в качестве посредника, передающего записи в университет для прослушивания учеными. Это было сделано с тем, чтобы информант не ориентировался на собирателя даже как на невидимого собеседника (поскольку перспектива прослушивания и обработки аудиозаписи знакомым человеком может осознаться именно так). Кроме того, истинная цель работы – изучение ЯЛ – также не была ему раскрыта полностью. Собиратель попытался донести до исследуемого лица мысль, что содержательная сторона записываемой речи не представляет для заказчиков материала (в качестве заказчика был назван университет) никакого интереса, а предметом анализа будут фонетика и некоторые грамматические категории. Л.Л. было сказано, что лингвистов интересует только естественная речь, поэтому «говорить надо только так, как ты говоришь всегда, в обычной жизни», а «наигранные» тексты отбираются при помощи специальной компьютерной программы и не рассматриваются.

Важным моментом в реализации метода самозаписи ЯЛ является выбор предлагаемого индивиду технического средства. Если ещё в конце XX в. звукозаписывающая техника была довольно громоздкой, дорогостоящей, энергозатратной и требовала расходных материалов, то в последнее десятилетие появилась недорогая цифровая звукозаписывающая техника (непрофессионального класса), не нуждающаяся в расходных материалах и отличающаяся компактностью, малой энергоемкостью и удовлетворительным качеством записи. В качестве звукозаписывающего устройства для самозаписи носителя городского просторечия использовался MP-3 плеер «Samsung YP-U5» со встроенным диктофоном, 2 Гб памяти и возможностью подключения к компьютеру через USB-порт. Этой модели был отдано предпочтение по нескольким причинам: маленький размер, сравнительно низкая стоимость, возможность работы без подзарядки аккумулятора в течение нескольких дней, приемлемое качество записи и воспроизведения звука, а также функции радио и аудиоплеера (последние функции неважны в процессе записи речи, но привлекательны для информанта).

Применение метода самозаписи, так же как и использование включенного наблюдения, связано с некоторыми этическими проблемами, поскольку фиксация спонтанной речи в повседневном бытовом общении, как уже отличалось, – это всегда вторжение в сугубо личную сферу жизни. Следует отметить, что самозапись нельзя отнести к однозначно открытым способам сбора материала: являясь открытой для самого наблюдаемого, она часто является скрытой для его собеседников, что не вполне этично по отношению к ним (этого недостатка лишено включение в языковое существование говорящего). Кроме того, ведущий аудиозапись способен забыть о включенном диктофоне, поэтому фиксируются подчас и интимные подробности его жизни и сведения, огласка которых может навредить ему или его близким. Оба обстоятельства налагают на ученых определенные обязательства по фильтрации попадающего в открытый доступ материала, а иногда и сохранению анонимности ЯЛ.

В обобщенном виде инструкция собирателя звучала так: «Записывай все подряд, чем больше запишется – тем лучше». На практике Л.Л. включал диктофон, когда предполагались какие-то разговоры: в будние дни на работе – при дежурстве с напарником, дома – в присутствии дочери и внучки, в вы-

ходные – во время прогулок по улице, поездок в гости или семейных праздников. Запись велась не ежедневно (очевидно, не каждый день было и с кем поговорить), но достаточно регулярно.

Обозначенный метод, как представляется, имеет ряд преимуществ перед другими. Вуалирование исследовательского внимания способствует естественности речевого поведения, особенно когда собиратель социально или культурно чужд окружению наблюдаемой ЯЛ. Если лингвист и информант не являются лицами одного пола, то самозапись (наряду со скрытой записью) позволяет достоверно зафиксировать общение индивида в гендерно однородном коллективе. Отсутствие необходимости находиться всегда рядом с объектом наблюдения в момент фиксации его речи не препятствует передвижениям говорящего субъекта и не нарушает привычного уклада его жизни – это особенно актуально для городских условий, когда человеку в течение дня бывает нужно много ходить и ездить. При систематической записи возможно получить значительный по объему материал в относительно короткие сроки: так, основной массив аудиозаписей носителя городского просторечия объемом около 60 часов был собран за 2 года. Есть и некоторые ограничения в использовании метода. Самозапись ЯЛ не так универсальна, как включение в языковое существование говорящего, и мало подходит представителям традиционной народно-речевой культуры – малограмотным пожилым диалектоносителям. Вместе с тем она может быть успешно применена лицами среднего возраста и молодежью, способными пользоваться несложной современной техникой. Минусом является то, что лингвист в этом случае не является непосредственным наблюдателем или участником речевых ситуаций, в которых происходит общение информанта; в результате полученные аудиоматериалы не всегда самодостаточны для понимания и адекватной интерпретации. Большая дистанция между исследователем и информантом и предоставляемая последнему возможность выбора записываемых эпизодов создают некоторые ограничения в постижении нелингвистической составляющей ЯЛ в сравнении с включенным наблюдением.

Разработанные и апробированные нами методы включения в языковое существование говорящего и самозаписи информанта позволили собрать обширный и ценный материал для изучения языковых личностей в непринужденной коммуникации. Хочется надеяться, что развитие антропоцентрической, функционально-дискурсивной парадигмы современного языкознания в целом и лингвоперсонологических исследований в частности обострит внимание ученых к эффективным методам сбора материалов спонтанной устной речи, и в этом плане опыт томских филологов окажется востребованным.

#### *Литература*

1. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.
2. Кибрик А. Полевая лингвистика [http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye\\_nauki/lingvistika/POLEVAYA\\_LINGVISTIKA.html?page=0,1](http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/POLEVAYA_LINGVISTIKA.html?page=0,1) (дата обращения: 15.02.2013).
3. Купина Н.А., Шалина И.В. Современное просторечие: взгляд изнутри // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 23–62.

4. Лемякина Н.А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника (на материале речевого поведения учащихся 1–4 классов). Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. 330 с.
5. Тимофеев В.П. Дialeктный словарь личности. Шадринск, 1971. 141 с.
6. Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1999. 42 с.
7. Оссовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 197 с.
8. Скитова Ф.Л., Огиенко Е.А. Из наблюдений над словарным запасом одного человека // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1971. Вып. 2. С. 26–39.
9. Нефедова Е.А. Экспрессивный словарь диалектной личности. М.: Изд-во МГУ, 2001. 144 с.
10. Прокофьева Е.В. Диалектная языковая личность на Алтае: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012.
11. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // Литературный язык и культурная традиция. М., 1994.
12. Тимофеев В.П. Личность и языковая среда: учеб. пособие. Шадринск, 1971. 122 с.
13. Ленская Н.И. О психолингвистике как научной дисциплине // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тез. междунар. конф. М., 1995. Т. 2. С. 308–309.
14. Конрад Н.И. О «языковом существовании» // Японский лингвистический сборник. М., 1959. С. 5–16.
15. Козоткова Т.С. Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектоносителя (по материалам современных областных словарей) // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 285–301.
16. Иванцова Е.В. Живая речь русских старожилов Сибири: сб. текстов. Томск, 2007. 104 с.
17. Опыт описания языковой личности: А.А. Реформатский // Язык и личность. М., 1989. С. 149–212.
18. Функ Д.А. Шаманская и эпическая традиции тюрков юга Западной Сибири: Историко-этнографическое исследование телеутских и шорских материалов второй половины XIX – начала XXI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 365 с.
19. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1999. 136 с.
20. Полевая лингвистическая практика: Учебно-методический комплекс сложной структуры. Ч. 1. Теоретические основы и методика сбора лингвистических данных для представления их в речевом корпусе русского языка. СПб., 2006. 98 с.

#### ON THE EFFECTIVE METHODS OF RECORDING SPONTANEOUS SPEECH IN LANGUAGE PERSONALITY RESEARCH.

*Tomsk State University Journal of Philology*, 2014, 3 (29), pp. 14–27. DOI 10.17223/19986645/29/2  
Ivantsova Yekaterina V., Solomina Yelizaveta V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivancova@yandex.ru / e-solomina@yandex.ru

**Keywords:** language personality, spontaneous speaking, linguopersonology methods, inclusion in the language existence of the speaker, self-recording.

An objective study of the language personality phenomenon must refer to all kinds of discursive practices of the individual in their real correlation. However, the materials of informal everyday communication representing the person most reliably are insufficiently involved for their collection is very challenging. The article highlights the Tomsk Linguistic School experience of using effective methods of recording spontaneous speech of certain native speakers.

The research of the dialect language personality of a Russia old-timer in Siberia employed the method of inclusion into the language existence of the speaker. Its implementation meant a trusting relationship with the object, regular long-term observation, a comfortable environment for the individual in the process of recording. The peasant woman's speech was recorded in her every-day environment with familiar communicants including her co-villagers, dialect speakers. The result of the long-term project (57 expeditions in 1981–2004) is the archive of 10,000 pages of printed text that reflects the discourse of a typical representative of a traditional dialect.

The advantages of the method are its versatility (can be applied to all types of modern language personalities) and direct observation of speech communication by the collector. The disadvantages are its complexity, the need to overcome the negative reaction to the invasion of the individual's private sphere, little informative value of the obtained material for those who did not participate in their collection.

The study of language personality belonging to the unwritten vernacular speech culture type is carried out by the individual's self-recording. The use of the new method is conditioned by the lifestyle of vernacular speakers (frequent changes of residence and occupation, working in same-sex men's groups) and by the desire to minimize the impact of the speech of educated interlocutors. This way, the collector is only an intermediary giving records to the university-contractor. The informant was explained that researches had no interest in the content of the speech. It was important, however, to speak in a usual way for a special computer program recognized unnatural texts and they were not considered. The vernacular speaker recorded her speech to an MP-3 player and regularly gave audio material to the researchers. About 60 hours of recorded oral speech were collected in two years.

This method does not require a constant presence of the observer, saves the researchers' time and puts less constraints on the informant without breaking her habitual way of life. Self-recording can be successfully used by middle-aged and young people who can use simple modern appliances. Large amount of material can be collected in a relatively short time. At the same time self-recording is not a convenient method for representatives of the traditional folk speech culture, illiterate elderly dialect speakers. The downside is the fact that in this case the linguist does not witness speech contacts of the informant, and the resulting audio material is not always self-contained for adequate interpretation. The informant can choose of what to record, which creates some limitations in comprehension of the language personality in comparison with participant observation.

Both methods require informal relations between the linguist and the informant. Researchers also have certain ethical obligations: stealth recording is forbidden, material for the open access must be filtered not to violate the rights and interests of the communicants.

## REFERENCES

1. Vinokur T.G. *Govoryashchiy i slushayushchiy: varianty rechevogo povedeniya* [Speaker and listener: options of speech behavior]. Moscow: Nauka Publ., 1993. 172 p.
2. Kibrik A. *Polevaya lingvistika* [Field linguistics]. Available at: [http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye\\_nauki/lingvistika/POLEVAYA\\_LINGVISTIKA.html?page=0,1](http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/POLEVAYA_LINGVISTIKA.html?page=0,1). (Accessed: 15th February 2013).
3. Kupina N.A., Shalina I.V. *Sovremennoe prostorechie: vzglyad iznutri* [Modern vernacular: an insight]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2004, no. 1 (7) pp. 23-62.
4. Lemyaskina N.A. *Razvitie yazykovoy lichnosti i kommunikativnogo soznaniya mladshego shkol'nika (na materiale rechevogo povedeniya uchashchikhsya 1-4 klassov)* [Development of language personality and communicative consciousness of younger schoolchildren (based on verbal behavior of 1-4 graders)]. Voronezh: Voronezh State University Publ., 2004. 330 p.
5. Timofeev V.P. *Dialektnyy slovar' lichnosti* [Dialect Dictionary of a Personality]. Shadrinsk, 1971. 141 p.
6. Lyutikova V.D. *Yazykovaya lichnost': idiolekt i dialekt*. Avtoref. dis. d-ra filol. nauk [Language personality: idiolect and dialect. Abstract of Philology Dr. Diss.]. Ekaterinburg, 1999. 42 p.
7. Ossovetskiy I.A. *Leksika sovremennykh russkikh narodnykh govorov* [Vocabulary of modern Russian folk dialects]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 197 p.
8. Skitova F.L., Ogienko E.A. [From observations on the vocabulary of one person]. *Zhivoe slovo v russkoy rechi Prikam'ya* [The Living Word in the Russian speech of Prikamye], Perm, 1971, issue 2, pp. 26-39.
9. Nefedova E.A. *Ekspressivnyy slovar' dialektnoy lichnosti* [Expressive Dictionary of a Dialect Personality]. Moscow: Moscow State University Publ., 2001. 144 p.
10. Prokofeva E.V. *Dialektnaya yazykovaya lichnost' na Altae*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Dialect language personality in the Altai. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Barnaul, 2012. 22 p.
11. Krysin L.P. *Sovremennyy russkiy intelligent: shtrikhi k rechevomu portretu* [Modern Russian intelligentsia: touches to the speech portrait]. In: Semenyuk N.N., Porkhomovskiy V.Ya. (eds.) *Literaturnyy yazyk i kul'turnaya traditsiya* [Literary language and cultural tradition]. Moscow: Stella Publ., 1994.

12. Timofeev V.P. *Lichnost' i yazykovaya sreda* [Personality and language environment]. Shadrinsk, 1971. 122 p.
13. Lenskaya N.I. [On psycholinguistics as a scientific discipline]. *Lingvistika na iskhode XX veka: itogi i perspektivy: Tezisy mezhdunar. konf.* [Linguistics at the end of the 20th century: results and prospects. Proc. of International Conference]. Moscow, 1995, vol. 2, pp. 308-309. (In Russian).
14. Conrad N.I. *O "yazykovom sushchestvovanii"* [On the "linguistic existence"]. In: Pashkovskiy A.A. (ed.) *Yaponskiy lingvisticheskiy sbornik* [Japanese linguistic collection]. Moscow, 1959, pp. 5-16.
15. Kogotkova T.S. *Zametki ob izuchenii leksiki v individual'noy rechi dialektonositelya (po materialam sovremennykh oblastnykh slovarey)* [Notes on studying the vocabulary in the individual speech of a dialect speaker (based on modern regional dictionaries)]. In: Nemchenko E.V. (ed.) *Russkie govory: K izucheniyu fonetiki, grammatiki, leksiki* [Russian dialects: the study of phonetics, grammar and vocabulary]. Moscow, 1975, pp. 285-301.
16. Ivantsova E.V. *Zhivaya rech' russkikh starozhilov Sibiri: sb. tekstov* [Live speech of Russian Old-Timers in Siberia: a collection of texts]. Tomsk, 2007. 104 p.
17. Krasil'nikova E.V. *Opyt opisaniya yazykovoy lichnosti: A.A. Reformatskiy* [On describing a language personality: A.A. Reformatzky]. In: Krasil'nikova E.V. et al. *Yazyk i lichnost'* [Language and personality]. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 149-212.
18. Funk D.A. *Shamanskaya i epicheskaya traditsii tyurkov yuga Zapadnoy Sibiri: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov vtoroy poloviny XIX – nachala XXI vv.* Dis. d-ra istor. nauk [Shamanic and epic traditions of Turks in the south of Western Siberia: historical and ethnographic research of Teleut and Shor materials of the second half of the 19th – early 21st centuries. History Dr. Diss.]. Moscow, 2003. 365 p.
19. Rozhdestvenskiy Yu.V. *Printsipy sovremennoy ritoriki* [Principles of modern rhetoric]. Moscow: Novoe tisyacheletie Foundation Publ., 1999. 136 p.
20. Asinovskiy A.S., Arkhipova E.A., Bogdanova N.V., Rusakova M.V. et al. *Polevaya lingvisticheskaya praktika* [Field linguistic practice]. St. Petersburg, 2006. Pt.1, 98 p.